

Если бы ему было дано выбирать, Георгий Маслов (1895 г., Моршанск, Россия — 1920 г., Красноярск, Россия), очевидно, выбрал бы для себя пушкинское время. Со своим временем — бурным и страшным началом XX века — молодой поэт очень разминулся. Но времена, как известно, не выбирают. При ином, более благоприятном раскладе, этот поэт редкого дара, несомненно, навсегда вписал бы своё имя в историю отечественной поэзии. «Прирождённый мастер стиха, нежно и трепетно влюблённый в тридцатые годы прошлого века, он был бы украшением всероссийского литературного Пантеона...». Он писал о своей Прекрасной Даме:

Я не забуду наши встречи,/ Кудрей крутые завитки,
И беломраморные плечи, / И взгляд, исполненный тоски.
И под глазами роковыми, / Нежданной песнею горя,
Твержу пленительное имя,/ Сияющее, как заря.

Но красавицу пушкинской поры Аврору Шернваль², даму, которую Баратынский именовал «соименницей зари», Георгий Маслов видел лишь на портрете, случайно найденном в лавке букиниста на Литейном...

Лаконично-изящную поэму, посвящённую прекрасной Авроре, Георгий начал студентом Санкт-Петербургского университета

в пушкинском Петербурге. А завершал в 1919 году в Омске — в белой столице, судьба которой на тот момент была пред-
решена. Да, в омском театре драмы по странному совпадению играли «Принцессу Грёзу» — спектакль по пьесе Эдмона Ростана, в основу которой легла история трубадура Джауфре Рюделя. Джауфре влюбился в графиню Триполийскую и стал слагать песни, посвящённые ей, услышав от пилигримов о её красоте и добродетели...

Далёкая любовь — *amor de lonh* — в Средневековье считалась вершиной куртуазной любви. Смысл этой любви был не в обладании, не в разделённых чувствах, — любовь к недосягаемой, недоступной даме возвышала любящего. «Редкие достигают высшей добродетели, храбрости и доброй славы, — гласило одно из поучений, — если они не были влюблены». Георгия Маслова и его далёкую любовь разделяли не расстояния — годы... Но весь его поэтический путь — изумительно краткий, как полёт метеора — пройдёт под звездой Авроры.

Над этой дамой словно бы тяготел злой рок — её называли «роковой Авророй» совсем не случайно. Первый её жених умер до свадьбы. Потом Аврора вышла замуж за графа Павла Демидова — мецената и ценителя изящных искусств. Брак по расчёту очень скоро стал браком по любви. Но всего через четыре года Аврора осталась вдовой. Второй брак с блестящим офицером Андреем Карамзиным, сыном известного писателя, казалось бы, обещал Авроре счастье — супруги ощущали настоящее родство душ. Но счастье вновь оказалось кратким. Когда началась Крымская война, Карамзин отправился на фронт. Он командовал кавалерийским отрядом и однажды, неверно оценив ситуацию, вступил в бой со значительно превосходящими силами турок. Полк был разгромлен, Карамзин погиб...

Яркие картины из жизни роковой красавицы Маслов описал с мастерством истинного художника — всего несколькими штрихами:

Но у притихшего пруда,
Зажжённого зарёй прекрасной,
Ты, охмелев от речи страстно,
Смущённо прошептала: «Да».

Аврора Шернваль.
Портрет К. Брюллова,
1837 г.

Он, став коленом на гранит,
Целует ледяные руки,
Пусть ты опять идёшь на муки,
Но сердце, как заря, горит.

Соединяя эти картины в завораживающее повествование редкой красоты, вновь и вновь повторяется, лейтмотивом звучит слово «заря» — созвучное с именем прекрасной Авроры. Опять же, как в кансонах трубадуров, которые заменяли имя адресата прозвищем — сеньялем.

В этой поэме Георгий Маслов, сам о том не догадываясь, предсказал и собственную судьбу:

Кто видел раз небесный сон,
Тому земные грёзы грубы, —
И на смерть роком обречён
Поцеловавший эти губы.

Но это будет потом...

А прежде был Петербург, куда приехал учиться юноша из провинции — книжный мальчик из города Симбирска, бывший по духу истинным петербуржцем. Историко-филологический факультет и пушкинский семинарий, которым руководил историк литературы Семён Венгеров. Георгий не просто занимался изучением пушкинского стиха — он, «казалось, и жил только Пушкиным, и недалёк был от чувственного обмана: увидеть на площади или у набережной его самого».

И, конечно же, молодой человек писал стихи, восхищавшие всех своей сложной простотой, полные аристократизмом Северной Пальмиры. О стихах Георгия Маслова — сдержанных и строгих — одобрительно отзывался Николай Гумилёв. Он говорил, что молодой поэт сумел возродить «позабывтое со времён Пушкина благородное искусство просто и правильно писать стихи». Во времена, когда поэты увлекались поиском новых форм и жанров, Маслов сознательно ограничил себя рамками поэтического канона пушкинской поры.

Не нам весеннее безумье
И трепетный поток стихов —

Нам жребий — строгое раздумье
И нищенская скудость слов...

Но ограничил ли? Слова поэт огранял, как драгоценные камни... И на бумагу ложились чеканные строки:

О мой ямб, звонконогий мой конь,
Непокорный рабам Буцефал,
Я смогу укротить твой огонь, —
Я свободным и дерзостным стал!

В любимом пушкинском Петербурге Георгию было суждено прожить всего четыре года, своё кандидатское сочинение о лицейских стихах Пушкина он так и не закончил. Потому что времена не выбирают... По воле непреодолимых исторических обстоятельств Георгий Маслов оказался в Омске — городе, объявленном столицей Белой России. И для многих ставшим городом последней надежды. Там сменяли друг друга балы и парады и не хватало самого необходимого. Там жили на пределе. А Георгию Маслову выпала судьба трубадура обречённой белой столицы... Лев Арнольдov писал: «...Парнасец и пластик, Георгий Маслов вдохновенно собирал мёд с цветов русской поэзии. Юноша с едва пробивающимся пухом на верхней губе, он был уже не “начинающим” и “подающим надежды”, а законченным мастером».

Георгий служил в Егерском батальоне Ставки Верховного главнокомандующего, жил в убогом жилище на Каинской улице, в «страшной, хотя и вполне аккуратной пустоте» полуподвала. И писал стихи, по-прежнему воспевая прекрасное, возможное даже в этих трагических обстоятельствах:

Пора стряхнуть с души усталость
Тоски и страха тяжкий груз,
Когда страна изгнания стала
Приютом благородных муз.
Здесь вечно полон скифский кубок,
Поэтов — словно певчих птиц!
А сколько шелестящих юбок,
Дразнящих талий, тонких лиц!

Даже за шаг от края находя повод для радости:

В краю угрюмом расцвела
Розовоперстая Аврора...
С собою радость принесла —

Иль смертная оденет мгла
Изгнанников усталых скоро?
Смотрю на белизну ланит,
На пальцы тонкие в рубинах —
И сердце песнями горит
От плеска крыльев лебединых.

И напоминая, что даже сейчас весна остаётся весной:

Того не пугают пули,
Кто изведаль весь мёд земной;
Хорошо, что хоть в карауле
Ты дышишь милой весной.

Так же, как исторические средневековые трубадуры, Георгий Маслов воспевал весну, любовь — Amor, юность — Jovens и радость — Joí — то, что давало силу жить в самых трагических обстоятельствах. Многие его стихотворения отвечают канонам «изысканного» стиля. Средневековые поэты-рыцари придавали большое значение музыке стиха.

В полусне склонясь над чашами,
Мы мечтаем у окна,
И плывёт стихами нашими
Опьянённая луна.
Силы в бурях мы растратили,
Но настала тишина,
И теперь мы лишь мечтатели
За бокалами вина.

Третья и четвёртая строфы завершаются теми же словами, через всё стихотворение проходит одна рифма.

А весенний мотив, характерный для кансон-трубадуров (эти любовные песни — *canso d'amor* — часто начинались с описания весны, птичьих голосов и распускающейся зелени), Маслов искусно соединил с русской песенной традицией:

Майского солнца горячего
Душу туманит хмель,
И где-то призывно-вкрадчиво
Пастушья поёт свирель.
А жаркое сердце девичье,
Чуждо весенних утех,
Томится о королевиче,
Который прекрасней всех.

Слово «трубадур» происходит от провансальского «trobar» — находить, слагать стихи. Георгий Маслов не уставал искать...

Он по-прежнему писал поэму о прекрасной Авроре. А кроме неё — роман, повествующий о судьбе этой весьма незаурядной женщины. И даже ездил в Нижний Тагил — «встречался с людьми, судьба которых была связана с судьбой моей героини. Масса впечатлений, а для заметок не хватило двух блокнотов». После смерти Демидова Аврора решилась на смелый шаг — она поехала в Нижний Тагил и стала сама управлять демидовскими заводами. Для рабочих построила богадельню, родильный дом, несколько школ и детский приют. И скоро рабочие, узнав, что имя Аврора означает «утренняя заря», стали называть её Заря Карловна...

А ещё Георгий Маслов сражался, как мог, — словом. Этим оружием он владел в совершенстве:

Кому судить кровавый опыт
Сулящих рай в кольце штыков?
Хватает голоса на шёпот
У митинговых крикунов.
Кто были горячи и юны,
Могилы обрели себе!
Из-за границы шлют трибуны
Неустрашимый зов к борьбе!
Но нам нет времени, иная
У нас, весёлая борьба —
Бродяги, в ожиданье рая,
Громят спиртные погребя.

Маслов продолжал публиковать свою поэтическую хронику с символическим названием «Кольцо», даже когда уже было ясно, что кольцо замкнулось и выхода нет. Потом в своей новелле «Пушкинист и футурист» Леонид Мартынов вспоминал: «Я даже прямо сказал ему, что фронт, как известно, уже на Тоболе, все знают, что разговоры о взятии Москвы — вздор, и как бы ему, Георгию Маслову, не пришлось задуматься о том, чтоб его кто-нибудь спасал... Он ответил, что именно теперь было бы для него бесчестьем спрятаться в нору и замолчать».

Он сражался до конца. Ведь юноша, который родился на свет весной 1895 года в городе Моршанске Пензенской губернии в семье подпоручика Юхновского резервного батальона, был настоящим поэтом и рыцарем, как многие средневековые трубадуры.

Желая увидеть свою далёкую любовь, Джауфре Рюдель³ отправился в Палестину, в дороге заболел и умер в Триполи на руках у возлюбленной.

Судьба воспевавшего Аврору Шернваль поэта сложилась иначе и одновременно похоже. В декабре 1919 года войска Колчака оставили Омск. И для Георгия Маслова начался его «Путь во мраке». Это действительно был путь во мраке в полную неизвестность — Великий сибирский ледяной поход, который очень многим стоил жизни. Но даже на этом страшном пути в неизвестность Георгий не переставал воспевать утреннюю зарю...

Розовым румянцем перламутра
Январское засмеялось утро.
Смехом багряным смейся, заря, нам,
Скитальцам по немилым странам,
Чтоб несли мы горе покорней,
Осуждённые десницей горней.

Он по-прежнему много писал, но теперь это были уже совсем другие стихи — под стать страшным событиям, участником и хронистом которых он был.

О, ты ли, / Соловей Цитеры, /
Такие звуки / На собственной могиле
В меняющиеся размеры / Куёшь, ломая руки?
Давно ли / Рубины зорь в спокойном небе
Искали все мы? / Теперь твой жребий —
Быть криком боли / Для тех, кто нем.

В дороге Георгий заболел сыпным тифом, и в Красноярске его сняли с поезда. Он умер на больничной койке в тифозном бараке. Где погребён, неизвестно.

Ему было всего 24 года... Верный своей далёкой любви перед смертью, он ещё выправлял поэму «Аврора». А через два года — в 1922 году — эта поэма чудом увидела свет. Звезда Авроры всё-таки вспыхнула на литературном небосклоне, хотя тому, кто её зажёт, время предопределило забвение почти на целый век.

Омск

³ Джауфре Рюдель II де Блай (ок. 1113, Блай — ок. 1170, годы творчества 1125–1148) — один из первых провансальских трубадуров.